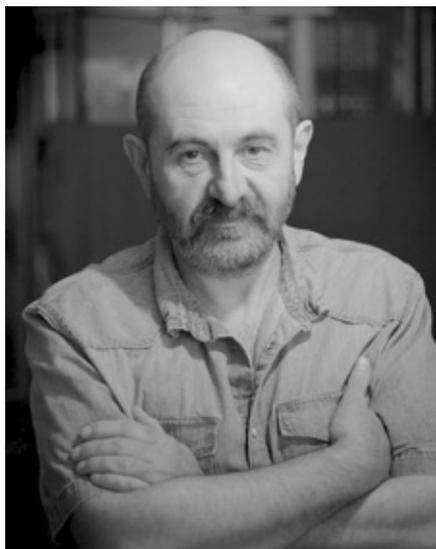

РУДНЕВ ВАДИМ ПЕТРОВИЧ

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник кафедры фило-
софской антропологии философского факульте-
та МГУ имени М. В. Ломоносова

E-mail: vprudnev@mail.ru

УДК 101.3

К ПОСТРОЕНИЮ НОВОЙ МОДЕЛИ ЭТИКИ

Аннотация. Статья посвящена предварительному построению новой модели этики. Этика понимается автором статьи как возможность говорить об одном и том же по-разному. Что это значит? Это значит, что мы можем осуществлять выбор, в отличие от животных, у которых нет языка и поэтому нет свободы выбора. По Канту, этика основывается на свободе. Свобода говорить об одном и том же по-разному проявляется в нарративах. Стало быть, этика – это не свод законов (это мораль), а некоторое состояние психики, направленное на осуществление свободного выбора. Этика в этом смысле тесно связана с желанием (антикантианский тезис Лакана), то есть с принципом удовольствия. Как бы сказал Ф. И. Гиренок, «удовольствия мыслить иначе».

Ключевые слова: этика, нарратив, смысл, мысль, слово, реальность, значение.

© Руднев В. П. 2020

Vadim P. Rudnev

Lomonosov Moscow State University

E-mail: vprudnev@mail.ru

TOWARDS THE CONSTRUCTION OF THE NEW MODEL OF ETHIC

Abstract. This article is devoted to the preliminary construction of the new model of ethic. We consider ethic as possibility to speak differently about the same. What does it mean? This means that we can implement choice versus animals which have not arbitral language and so free choice. Up to Kant the ethic bases on freedom. The freedom to speak differently about the same bases in narratives. So the ethic is not some combinations of rules (this is moral), but some state of psychic trends to realization free choice. In this sense the

ethic correlated with the wish (antikantian thesis of Lacan), with principle of pleasure. In terms of Fyodor Girenok «pleasure to think differently».

Keywords: ethics, narration, sense, thought, ward, reality, meaning.

DOI: 10.32691/2410-0935-2020-15-221-228

Что такое поэтическая функция? Это возможность об одном и том же сказать по-разному. По сути дела, это и есть параллельные миры. Возможность сказать одно и то же по-разному обеспечивает этический выбор. Этот выбор заключается в том, что человек способен породить наррацию. Наррация и есть результат говорения об одном и том же по-разному. Выходит, что наррация – это этический выбор. Как это понимать? Когда мы что-то делаем хорошее или плохое, мы всегда говорим, вслух или про себя. Но можно ведь говорить и при этом не делать ни хорошего, ни плохого. Можно. Но только следует иметь в виду, что аксиологическая модальность, которая здесь задействована, является наиболее универсальной. Эта модальность, как и все остальные модальности, строится как трехчлен – в данном случае: хорошо, плохо, никак. Но что значит «никак»? Человек не может в своей жизни не совершать хороших и дурных поступков. Тогда он выпадает из реальности, например, спит. Сновидения не образуют нарраций, у них нет плана выражения, денотативной сферы. Но трудность состоит в том, что поэтическая функция языка не требует денотатов. О чём же говорит поэт, если нет денотатов? Академик Т. М. Николаева любила говорить: «Плюньте на денотаты, ищите сигнификат!». Чем отличается денотат от сигнификата? Тем, что у сигнификата не обязательно есть денотат. Например, у круглого квадрата есть сигнификат, но нет денотата.

К чему же мы ведём? К тому, что этический выбор не предполагает реальности денотатов. Это что же, значит, реальности не существует? Да успокойтесь, существует она, ваша реальность. Но сейчас разговор о другом. О том, что совершать хорошие или дурные поступки можно вне реальности денотатов. Как это понять? Если я кого-то убил, то этическая валентность данного поступка (то есть какой он: хороший, дурной, или никакой?) заключается не в том, что один объект нанёс травму, несовместимую с жизнью, другому объекту. Этическая валентность заключается не в том, чтобы кого-то убить, а кого-то спасти. Её смысл совершенно в другом. В том, чтобы наррация об этом поступке хотя бы по касательной, хотя бы одной точкой совпадала с самим этим поступком. Как это понять? Допустим кто-то говорит: «Я сегодня застрелил двух человек». Дело всё в том, что мы не можем судить об истинности или ложности его наррации. Почему? Потому что любая наррация нужна не для референции, а для поэтической функции. То есть: интересно нам его высказывание или нет? И если оно нам интересно, значит, оно одной точкой, по касательной, связано с тем, о чём он сказал.

Когда Хлестаков говорит, что он командовал департаментом, это интересно. Если бы он сказал, что он мелкий чиновник, то, во-первых, ему бы никто не поверил, а во-вторых, это было бы не интересно. Получается, хорошо то, что интересно, а дурно то, что скучно. И именно это связано с философией параллельных миров. В одном из параллельных миров Хлестаков несомненно был начальником департамента. В данном случае параллельный мир – это реальность чиновников города, куда приехал Хлестаков.

Л. Витгенштейн писал в «Трактате»:

6.41. Смысл мира должен лежать вне его. В мире всё есть, как оно есть, и всё происходит так, как происходит. В нем нет никакой ценности, а если бы она там и была, то она не имела бы никакой ценности.

Если есть ценность, имеющая ценность, то она должна лежать вне всего происходящего и вне Такого (So - Sein). Ибо все происходящее и Такое – случайно.

То, что делает это не случайным, не может находиться в мире, ибо в противном случае оно снова было бы случайным.

Оно должно находиться вне мира.

6.42. Поэтому не может быть никаких предложений этики. Предложения не могут выражать ничего высшего.

6.421. Ясно, что этика не может быть высказана. Этика трансцендентальна. (Этика и эстетика едины.)

6.422. Первой мыслью при установлении этического закона формы “ты должен...” является: “а что, если я не сделаю?” Но ясно, что этика не имеет ничего общего с наказанием и вознаграждением в обычном смысле. Поэтому данный вопрос о последствиях действия должен быть вопросом, не относящимся к делу. По крайней мере эти последствия не должны быть событиями, ибо все же нечто в этой постановке вопроса должно быть правильным. Должно иметься некоторого рода этическое наказание и этическое вознаграждение, но они должны лежать в самом действии [Витгенштейн 2005: 334].

Мы сказали, что наррация – это результат говорения об одном и том же по-разному и что это этический выбор. А разве можно говорить об одном и том же одинаково? Всегда есть какой-то этический выбор, и он же, что подчеркивает Витгенштейн, есть и эстетический выбор. Но что значит говорить об одном и том же по-разному? Например, я могу сказать: «Мальчик съел мороженое», а могу – «Мороженое съедено мальчиком». Что-то я не вижу здесь никакого этического выбора. Ну, как же! В первом случае – это активная конструкция, во втором – пассивная. Ну и что? Как, что! В первом случае ответственность за съеденное мороженое ложится на мальчика – это и есть его этический выбор. Во втором случае ответственность возлагается на судьбу.

Но какая разница, как говорить – по-разному или одинаково, если все предопределено (подр. см. книгу [Руднев 2017] и, стало быть, никакого этического выбора не может быть в принципе? Но разве Витгенштейн в приведённом выше фрагменте не говорит то же самое? Он говорит, что все предложения равноценны, и что этика вообще не может быть высказана. Она не может быть высказана, потому что её можно предъявить только в поступке. «Не спрашивай, а делай!». Но ведь и поступки тоже предопределены. И, строго говоря, слова и поступки это одно и то же. Во всяком случае, поступков без слов не бывает. Иначе мы вновь придём к материалистической картине реальности.

Вообще говоря, Витгенштейн противоречит себе, рассуждая об этике *каким бы то ни было образом*. Гораздо более последователен здесь Дж. Э. Мур, которого справедливо можно считать основателем лингвистической философии. В книге «Principia Ethica» он говорит, что мы можем рассуждать только о словах типа «добро», а не о самом добре. Но это означает также, что мы имеем право говорить не о самом предопределении, а о слове «предопределение». Что от этого меняется? Мы всё равно говорим слова – так или иначе. И

по-нашему мнению, основной принцип этики – это возможность одно рассказать по-разному. Это принцип и этики, и эстетики. Здесь я согласен с Витгенштейном, что это одно и то же. Прекрасный поступок не может быть дурным поступком. И всё же мы говорим об одном и том же по-разному и по-другому не можем. Почему? Потому что это основной принцип поэтики – и в плане стиля, и в плане сюжета.

Во многом мы говорим по-разному об одном и том же потому, что мы не знаем вещей и фактов, не знаем, как было на самом деле. То есть можно даже сказать, что «на самом деле» вообще никак не было. Существуют только слова, наррации и интерпретации. Мы знаем только, как мир есть (для каждого по-своему). Но **что** мир есть, доступно по «Логико-философскому трактату» только мистике (Витгенштейн ЛФТ 6. 44). Мы говорим по-разному, в частности и потому, что нам нестерпима мысль об отсутствии у нас воли, то есть опять-таки о том, что всё предопределено. Нам даже кажется, что, когда мы слушаем Третью симфонию Бетховена, то там можно что-то изменить. Но партитура уже написана. И партитура нашей жизни уже написана. Она непознаваема, она есть **что** мира, нечто мистическое и не высказываемое ни в словах, ни в поступках.

Итак, основной принцип этики – это возможность об одном и том же сказать по-разному. Но ведь Витгенштейн писал, что этика невыразима. Здесь у него вновь парадокс. То, что она невыразима, и есть её особенность, значит, о ней можно *как-то говорить*. Если понимать этику примитивно как науку о том, что такое хорошо и что такое плохо, то могут быть высказывания о хорошем и высказывания о плохом.

Но могут ли быть высказывания, хорошие или плохие сами по себе? Нет, не могут. Все высказывания равноценны (Витгенштейн). Но тогда зачем же говорить об одном и том же по-разному? Ответ в следующем: чтобы было интересно! Какой персонаж в мировой литературе сказал: «Я научу тебя различиям»? Кажется, Мефистофель. Парадоксально, но факт: добро скучно, зло интересно. Поэтому все наррации по большей части посвящены злу и насилию.

Ну, хорошо, а молитва? Морис Николл, ученик Гурджиева и Успенского, говорил, что для того, чтобы твоя молитва дошла, надо как бы взять Бога за грудки и грубо потребовать у него исполнения твоего желания. И чем грубее ты будешь это делать, тем действеннее будет молитва. Физическая любовь состоит из двух компонентов: нежности и агрессии. Этика, таким образом, это учение не столько о добре, сколько о зле. Но нравственный человек стремится к добру. К самосовершенствованию! Но стремление к добру анарративно. Добру нельзя научить. Добро анарративно и сегментно, зло нарративно и супрасегментно. Интересно, как ты себе представляешь супрасегментную наррацию? Да, это, пожалуй, самый важный вопрос. Человек говорит одно, думает другое и делает третье. Но самое главное – это то, чего он не сказал, не подумал и не сделал. Давид Самойлов написал когда-то такое стихотворение:

*А слово – не орудье мести! Нет!
И, может, даже не бальзам на раны.
Оно подтачивает корень драмы,
Разоблачает скрытый в ней сюжет.*

*Сюжет не тот, чьи нити в монологе,
Который знойно сотрясает зал.
А слово то, которое в итоге
Суфлер забыл, и ты не подсказал.*

Что вообще для человека самое главное? Говорить. Сказать своё слово. И чтобы это слово было услышанным (Бахтин). А для того, чтобы оно было услышанным, оно должно быть интересным, аттрактивным. И не сказанным!

Но если всё предопределено, то этика вообще бессмысленна. И бессмысленно тогда разграничивать дурные и хорошие поступки, если человек лишён воли. Не об этом ли писал Е. Баратынский:

*Не властны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.*

Нет, не совсем об этом. Если бы человек был начисто лишен воли и все от начала до конца было бы предопределено, то не было бы культуры, в мире господствовало второе начало термодинамики, энтропия.

Культура – это борьба с энтропией, она создает информацию. Оттого, что «Я» всегда готово превратиться в «не-Я», оттого, что человек всегда находится на грани безумия, так как его структура, по Лакану, психотична, из этого самого рождается культура. Культура создается психически нездоровыми людьми. Природа – это часть культуры. Наивно рассуждать так, что человек смотрит на реку и говорит: «Я нареку это рекой!». В начале было слово «река». Внутри человек всегда что-то течёт. Повторения и различия. Почему тяга к деперсонализации и диссоциации позволила человеку создать культуру? Человек создал культуру во сне. Мысль сновидения более фундаментальна, чем мысль наяву, потому что во сне человек погружен в коллективное бессознательное. Сновидение первично. Реальность вторична. Что такое «реальность»? Это то, что мы создаём своими руками. «Реальность» и «культура» – это одно и то же. Река стала течь после того, как появился наблюдатель (в смысле Дж. У. Данна). Человек наблюдает за самим собой. В этом смысле «Я» устроено как матрешка. Только на дне этой бесконечной матрешки ничего нет. За маской скрывается другая маска. Не об этом ли писал О. Мандельштам в стихотворении «Ламарк»:

*Если все живое лишь помарка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.*

*К кольцецам спущусь и к усоногим,
Прошуршав средь ящериц и змей,
По упругим сходням, по излогам
Сокращусь, исчезну, как Протей.*

Что же хочет сказать Мандельштам, говоря о Ламарке? Что всё живое – это помарка, то есть опечатка, ошибка. Его мысль, которая сама по себе не является ни истинной, ни ложной, как любое контрфактическое суждение «если ..., то», можно реконструировать следующим образом. Если реальность – это

ошибка, лучше я буду как последний червяк, инфузория, «ничтожный червь мира сего», потому что, если реальности не существует, то какой смысл тогда жить и писать стихи, только мучить себя тщетой. Ведь вся история живого – это лишь один день, причём выморочный, в сущности, одно мгновение морока, тяжелого сна, и можно сказать, что этой истории и не было вовсе. Вся история живого мира и, значит, человечества – это только сон, никакого мира вообще нет. Это первая фаза шизофрении, когда больной погружается в хаос бреда. Но шизоидный, более здоровый компонент мышления Мандельштама видит все же классификацию животного мира как нечто реальное, как что-то вроде лестницы Иакова, по которой он взбирается к Богу, в то же время опускаясь на самое дно животного мира. Он как бы говорит, подобно Раскольникову: «Тварь ли я дрожащая или право имею?». Это рестуциональная фаза развития шизофренического бреда, когда больной хочет вернуться в обыденный мир, но не может, поэтому он выстраивает фантастический внутренний мир, который заменяет ему реальность. Он спрашивает себя: «Я такой же, как все, или я не такой, как все, совсем другой? Если я такой же, как все, то почему я хочу быть, как маленький ребенок (регрессировать на стадию примитивного всемогущества). А если я не такой, как все, то давай-ка я начну демонстрировать миру свою непохожесть на других». Вот, что примерно говорит Мандельштам в своём стихотворении.

Почему возможность об одном и том же говорить по-разному я называю этикой? Чем вызвана эта возможность с логико-семантической точки зрения? Тем, что в языке существуют референтно непрозрачные контексты. Например, если я говорю: «Я не люблю Толстого», то не понятно, какого именно Толстого я имею в виду. Я могу пояснить: «Я не люблю *Льва* Толстого». И что ты этим хочешь сказать? К чему ты это говоришь? Потому что этот контекст – тоже референтно непрозрачный. А что здесь непрозрачного? Лев Толстой – это очень сложный объект, что само по себе задаёт его референтную непрозрачность. Если бы все контексты были референтно прозрачными, то в этике не было бы никакой нужды. Сразу было бы ясно, какой поступок совершён, хороший или дурной. Но тогда люди были бы как бы двумерными существами. Культура была бы невозможна, так как культура покоится на этике по Альберту Швейцеру. В общем, и вида *homo sapiens* тоже не было бы, потому что разум, мышление – это нечто покоящееся на арбитральном языке, который в принципе референтно непрозрачен, так как знаки в нём не похожи на референты.

То есть **все** контексты языка являются референтно непрозрачными. Рассмотрим, например, такое предложение: «Людвиг Витгенштейн написал «Логико-философский трактат»». Прозрачность, транспарентность этого высказывания – лишь кажущаяся. Для того, чтобы понять его смысл, в пресуппозиции должно иметь место знание о том, кто такой Людвиг Витгенштейн (хотя бы в самых общих чертах). То есть, предполагается, что должен быть человек, который в общих чертах знает, кто такой Витгенштейн, но не знает, что он написал. Иначе это высказывание не будет содержать никакой семантической информации. Как предложение Астрова в чеховском «Дяде Ване»: «А должно быть в это самой Африке сейчас жарница – страшное дело!». Более того, предложение «Витгенштейн написал «Логико-философский трактат»» этически окрашено. Предполагается, что Витгенштейн просто молодец, что он написал такой замечательный текст. Или наоборот, что Витгенштейн – шарлатан, ибо

он написал текст, в котором ничего не поймешь, это совершенно бессмысленный текст.

Существует этика органического психопата и этика шизоидной личности. Просто *этики* не существует. Этика органика – это этика подавляющего большинства живущих на Земле людей. Когда с лица Земли исчезнет последний шизоид, род человеческий прекратит своё существование. Потому что органики могут существовать только на фоне шизоидов. Они их обслуживают – слесари, плотники, бандиты и просто уроды. Им некого будет больше обслуживать, и они превратятся в животных, утратят постепенно арбитрный язык и с ним и всякую этику.

По Канту, нравственное поведение означает вести себя так, чтобы не навредить другому. Однако, Лакан в известной статье «Кант с Садом» сравнивает «Критику практического разума» и «Философию в будуаре». Что между ними общего? Выбор. Проблема выбора. Не делать зла сознательно и сознательно делать зло, в общем, по Лакану, получается, одно и то же. В любом этическом поступке, как считает Кант, осуществляется принцип свободы.

А что такое свобода в условиях предопределенности? Свобода в условиях предопределенности – это различие. А что такое различие, как не различие во мнениях, в пропозициональных установках! Кто-нибудь отдавал себе отчет в том, что помимо Лейбница основателем семантики возможных миров был не кто иной, как Фреге? Ведь что такое косвенный контекст, не имеющий значения истинности? Это возможный мир. Более того, это параллельный мир. Действительный параллельный мир.

Почему каждый параллельный мир этичен? Допустим, лакей говорит: «Кушать подано!». У этого лакея в пьесе всего одна реплика. Это даже не второстепенный герой. Но сам лакей для себя – это главный герой своей жизни. И поэтому «Кушать подано!» – это всё равно, что «Veni, vidi, vici» Цезаря. «Кушать подано!» – это этическая позиция лакея. Представьте себе фильм Бунюэля, в котором на сцену входит лакей и говорит: «Сегодня еды не будет, потому что повар повесился!». Этот садо-лакей возможен, конечно, только во сне. Но это совершенно неважно. Повар, который почему-то повесился, был тоже при жизни главным героем самого себя.

Этика нас окружает. Нам некуда от неё деваться. Этика многозначна. В ней не действует закон исключённого третьего. Этика шизофренична. Поэтому Лакан говорит, что этика стоит лицом к лицу к Реальному. Это я всё цитирую его семинар «Этика психоанализа» [Лакан 2006: 334]. Я могу сказать *a*, а могу сказать не-*a*. Это мой этический выбор. Но в XX веке часто говорят: «Это *a*, и это не *a*!» Или: «Это ни *a*, ни не-*a*!». Кто выиграл в хазарской полемике между иудеями, православными и мусульманами? В художественном мире М. Павича выиграл тот, кто обозначил себя как выигравшего. В постмодернизме нет истины, но есть много правд. В чём состоит этика постмодернизма?

Расскажу старый еврейский анекдот. Двое спорящих пришли к раввину, чтобы он рассудил их. Раввин выслушал первого и сказал: «А знаете, вы правы!». Тогда свою (противоположную) точку высказал второй спорящий. Раввин подумал и сказал: «А знаете, вы тоже правы!». Тогда жена раввина говорит: «Абрам! Не может быть так, чтобы они оба, высказавшие противоположные точки зрения, были правы...». Раввин почесал в бороде и сказал: «А знаешь, Сара, ты тоже права!». Вот, почему я утверждаю, что в основе этики лежит

возможность говорить об одном и том же по-разному. И вот здесь внимание! Вновь возникает Фреге. Мой друг и оппонент Георгий Чернавин написал мне следующее: «если этика – это способ говорить об одном и том же по-разному, то тогда что же, этика – это просто смысл (в противовес значению – по Фреге)? Но *ведь* не всякий смысл – этический смысл?». Нет, всякий смысл – это этический смысл! Почему? По Фреге смысл – это реализация значения в знаке. Знак один, значение одно, а смыслов бесконечное множество. У одного означаемого бесконечное множество означающих. И при этом значение отсылает к другому значению. Вновь Лакан. Но причём здесь этика? Смысл безразличен к истине. Смысл – это нечто постмодернистское в принципе. Когда все правы, то это равносильно тому, что никто не прав. Истина изымается из нашего дискурса.

Принципиально не важно, кто убил самурая в рассказе Акутагавы «В чаще» или в фильме «Росёмон» Куросавы по этому роману. Есть этика разбойника, есть этика жены самурая и есть этика самого самурая. И снова Лакан: «анекдот о человеке, эмигрировавшем из Америки в Германию, который на вопрос: *“Are you happy?”*, – отвечает: *“Oh, yes. I am very happy. I am really very, very happy, aber nicht glücklich”*. Что такое этика? Это когда человек нечто внешнее принимает за внутреннее, интенционализует его, осмысляет. Это позиция фрейдовского невротика. А когда человек внутреннее принимает за внешнее, экстенционализует его, обесмысливает, то это позиция психотика. Что такое не тестировать реальность? Это значит говорить и действовать в ущерб другому человеку. Поэтому невроз этичен, а психоз, как ни крути, это зло.

Библиография

- Витгенштейн 2005 – *Витгенштейн Л.* Избранные работы. Москва: Территория будущего, 2005.
- Лакан 2006 – *Лакан Ж.* Семинары. Т. 8. Этика психоанализа. Москва: Гнозис, 2006.
- Руднев 2017 – *Руднев В.* Принцип предопределенности. Москва: Академический проект, 2017.

References

- Wittgenstein 2005 – Wittgenstein L. Selected works. Moscow: The Place of future Publ., 2005. Transl. into Russian.
- Lacan 2006 – Lacan J. The ethic of psychoanalysis (Seminars. V. 8.). Moscow: Gnosis Publ., 2006. Transl. into Russian.
- Rudnev 2017 – Rudnev V. The Principle of predestination. Moscow: Academic project, 2017. In Russian.